

ческий резонатор». С ее помощью мы узнаем о душевном состоянии Константина Ершова, оно передается автором через описание игры. Без гармонии не было бы деревенских праздников, какими их знает народ, и деревенская культура вообще была бы совсем другой. Кроме того, автор приписывает гармонии чудодейственную силу, способную исцелить Александра Ершова от физического недуга. В конце концов мы приходим к такому выводу: когда гармонь есть у персонажа, то он находится в гармонии с самим собой, со своей душой. Какие бы напасти с ним ни случались, он сможет все преодолеть, взяв в руки этот музыкальный инструмент и разделив с помощью игры свои печали и радости с миром. Но если с гармонью случается что-то недоброе и по каким-либо причинам она исчезает из жизни персонажа, то рушится его внутренний мир, и гармонии приходит конец.

Литература

1. Белов, В.И. Ершов – гармонный мастер // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. / В.И. Белов. – М.: Классика, 2011. – Т. 1.
2. Галанов, Б.Е. Живопись словом. Человек. Пейзаж. Вещь / Б.Е. Галанов. – М.: Сов. писатель, 1972.
3. Лотман, Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман. – Режим доступа: <http://philology.ru/literature1/lotman-92a.htm>.
4. Смыковская, Т.Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова [Электронный ресурс] / Т.Е. Смыковская. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/tatyana_evgenевна_smikovskaya/nacionalniy_obraz_mira_v_proze_v_i_belova/read/
5. Фарино, Ежи. Введение в литературоведение: учебное пособие / Ежи Фарино. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
6. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971.

О.А. Москвина
г. Уссурийск

ИЗ ВОЛОГДЫ ВО ВЛАДИВОСТОК: ЖАНР РАССКАЗА В. БЕЛОВА «ЗА ДАЛЬНИМ МЕРИДИАНОМ»

Рассказ «За дальним меридианом» в одной из публикаций 1983 года был назван очерком. Разнобой в определении жанра привлекает внимание и заставляет задуматься: как соотносены в тексте подлинные факты и вымысел, как взаимодействует строгий, фиксирующий наблюдаемую действительность взгляд наблюдателя с чувством рассказчика. Суждения о жанре произведения высказываются в данной статье, во-первых, с учетом авторского представления о рассказе, а во-вторых, в сопоставлении с

другими рассказами и очерками писателя, создававшего их как на основе вымысла, так и документа. Несомненно, предметом изображения у Белова всегда становится глубоко изученный и лично пережитый «материал». Иногда автор подчеркивает свое отношение к реальности, особенно в случае автобиографичности. Так, «Раздумья на родине» (1965–1975) названы им «Документальной повестью»; рассказ «Без вести пропавшие» (1995) – «Документальным рассказом»; рассказ «Московские гости» (1995) – «Еще одним документальным рассказом». Подзаголовок «Из записной книжки» позволяет воспринимать в том же плане и рассказ «Утром в субботу» (1975), тем более что субъект, ведущий беседу с героем, совпадает с автором. Автобиографичен и рассказ «Гурзуф» (1999), где также проявляется «стремление следовать “голой правде”, которая порой оказывается выразительнее, убедительнее и духовно необходимее самых смелых творческих фантазий» [1, с. 38].

В рассказе «Без вести пропавшие» Белов пишет: «...искусство, в том числе литературное, есть нечто таинственное и непостижимое. Только чем больше и откровеннее о нем говоришь, тем дальше оно прячется <...> Не потому ли мне стыдно ставить на своих рукописях слово “рассказ”?» [2, с. 460]. В этом тексте вступает в свои права потрясающая горькая жизненная правда, и потому автор не может использовать жанровое название в его так называемом художественном значении. Словом «рассказ» подчеркивается способ передачи материала: рассказывание, сообщение, изложение фактов.

В рассказе «За дальним меридианом» (1971) нашли отражение действительные впечатления от поездки во Владивосток: рассказчик сообщает, что проводил лето в «своей Тимонихе», затем получил вызов в командировку, о которой просил «военную комиссию Союза писателей». Значат ли эти детали, что именно писатель Белов отправился однажды поездом до Владивостока и «очнулся лейтенантом Тихоокеанского флота в фуражке с белоснежным чехлом»? [3, с. 464]. Ответить на вопрос было затруднительно вплоть до выхода в свет собрания сочинений Белова в семи томах (2011–2012). Благодаря примечаниям к 1 тому, в котором напечатано произведение, и к 7 тому, содержащему письма, получаем необходимые сведения. В опубликованном здесь письме Белова к матери говорится: «Итак, я на Тихом океане. Доехал, все хорошо (ехал почти семь суток). Нагляделся всяких мест. Тут второй день живу в гостинице, прикрепили к флотской газете <...> В море, наверно, буду выходить, но ненадолго и недалеко <...> Владивосток – замечательный город. Море, горы. Тут сейчас жарко, многие еще купаются и загорают» [4, с. 528]. Точной датировки письма нет, в примечаниях указывается: «...без даты, конец 60-х гг.» [6, с. 606]. Видимо, дело происходило в конце августа – начале сентября: для Приморья купание в это время является обычным. «Будучи лейтенантом запаса, – пишет

составитель примечаний С.А. Тихомиров, – В.И. Белов в конце 60-х гг. был призван на воинские сборы; учитывая журналистское прошлое и наличие литературного образования у В.И. Белова, его направили для прохождения службы в редакцию газеты Тихоокеанского флота» [6, с. 606]. Вероятно, писатель и сам просил отправить его на Дальний Восток, потому что «будучи школьником, читая Арсеньева <...> нет-нет да и представлял старого гольда Дерсу <...> Может быть, тогда и зародилась мечта побывать на Дальнем Востоке...» [3, с. 462].

Географический, исторический, автобиографический материал, располагающийся в тексте по законам одновременно и очерка, и рассказа, тщательно отобран наблюдателем, выверен его пристальным взглядом. Бессюжетность рассказа, очерковый характер зарисовок не препятствуют выражению полноты авторского мировосприятия, созданию ярких образов: красивой могучей земли и не менее красивого, умного и доброго человека, постигающего жизнь своей Родины на ее огромном пространстве.

Путешествие, как признается рассказчик, явилось осуществлением давней мечты «побывать на Дальнем Востоке, увидеть зеленые перепады Сихотэ-Алинского хребта, услышать шум океана» [3, с. 462]. Только ли детской мечтой мальчишки, который думал, что меридианы – это «прочные толстые стальные струны, протянутые по странам и океанам» [3, с. 462], вызвано путешествие? Отчасти, может быть, и так. Но в контексте творчества Василия Белова и сама поездка, и произведение, объединяющее в себе путевой дневник, эссе, художественный рассказ, воспринимаются как программные.

Строение рассказа определяется самим маршрутом. Однако ожидаемое совпадение описаний с последовательностью движения сразу же нарушается. Текст начинается не со сборов в дорогу и не с выезда, как можно было бы предположить, а с впечатлений попавшего на военный корабль человека, разбуженного сигналом боевой тревоги. Объяснение этому, вероятно, в поражающих воображение картинах, увиденных рассказчиком, который почти сказочно переместился в громадном российском пространстве. Мир родного дома, вологодской природы настолько не похож на встреченное в далеких краях, что именно это и ставится в начало. Белов подчеркивает контраст. С одной стороны, в повествовании предстает древняя, исконная, расположенная почти в центре государства земля, с другой – буйная, подвижная «грандиозная океанская стихия», «мятущаяся вода <...> непостижимая, не подвластная ничему бездна. Безбрежная, тревожно-непонятная, ничем не обузданная, существующая помимо человека, независимая стихия» [3, с. 462]. Символична антитеза устойчивой земли и воды, зыбкой океанской безбрежности, «размерь» которой «не умещались в пределах человеческих представлений» [3, с. 462]. Уместен мотив волшебного пере-

мещения в пространстве: «Но как же я очутился за тридевять земель от близкого сердцу мира, над этой бездной океана?» [3, с. 462]. Автор удерживает внимание читателя на грани реального и нереального, заставляя поразиться пространственным и временным метаморфозам. Сказочный элемент придает особую прелесть картине тихого вологодского лета, охоте на медведя (с попыткой перехитрить его). Описание окружающей природы – «Сосны стояли прямо в хлебах, как на картине Шишкина» [3, с. 463] – тоже содержит элемент волшебного: сравнение реального предмета с эстетическим объектом удачно заменяет непосредственное изображение.

Дорожное время определяет неспешность раздумий. Безмерный российский простор согласуется с объемностью рассуждений, располагая к ним читателя, увлеченного красотами Транссибирской магистрали и героической судьбой крейсера «Варяг». Описание военного корабля не позволяет упоминать конкретные имена и даты. Однако писателю удастся и при отсутствии этих данных полнокровно воссоздать живую картину флотского быта, передать чувства и мысли тех, для кого служба – это не прогулка по морю.

Преодолевая большие расстояния родной земли, нельзя не вспомнить о тех, кто осуществил этот путь раньше: о русских землепроходцах. И хотя в тексте говорится только о Ерофее Хабарове (в связи с названиями пунктов следования), позволим себе предположить, что мысли о своих земляках, некогда отправившихся осваивать далекие края, не покидали путешественника. Белов своим произведением тоже осуществил соединение русских земель – с помощью пристального наблюдения, сопряженного с глубоким чувством и проникновенным изображением увиденного. Поэтично описана «встреча» с Хабаровым: «Могучий и добрый казак, мой земляк Ерофей Хабаров стоял на каменном постаменте. На нем была шуба с борами, он как бы улыбался в густую бороду. Я поздоровался со знаменитым устюжским землепроходцем и сразу же попрощался: мой поезд спешил дальше, к самому морю» [3, с. 465]. Рассказчик – русский человек XX столетия – видит родной и близкой далекую от древней Вологды землю: «Приблизился сто тридцатый меридиан, но стога, стоявшие на полянах вдоль дороги, были точь-в-точь такие, как на моей родине» [3, с. 465].

В рассказе преобладает описательное начало, определяемое сменой наблюдаемых объектов, ассоциациями, возникающими у путешественника. Некоторая динамика возникает там, где рассказывается о поиске нужной военной части, о приходе на корабль и размещении на нем. Однако очень быстро вновь вступает в свои права описание – со всеми деталями обстановки на палубе и в каюте. Особое место занимает эпизод швартовки большого военного корабля. Показана строгая последовательность действий командира и подчиненных, характер команд, слаженность морской

работы. В изображении взаимодействуют два начала: одно – идущее от самого предмета, которым определяется характер зарисовки, другое – от чувства автора, его восхищения моряками и видом прославленного корабля. «Да, это был “Варяг”, воспетый народом, не сдавшийся на милость врагу, погибший и снова воскресший крейсер русского флота» [3, с. 469–470]. Уместной оказывается здесь развернутая история героического судна с привлечением документальных материалов. Автор не скрывает своего восхищения кораблем, готовым к участию в морских походах: «Но “Варяг” жил, я слышал сейчас биение его неумирающего, так много пережившего сердца» [3, с. 473]. Эта часть занимает наибольшее место в структуре текста, а внимание рассказчика к историческим фактам обусловлено общим пафосом авторских раздумий о судьбе великой земли, на которой дано жить русскому человеку. Тема необъятного ее пространства проходит через все произведение, географические параметры отмечаются не раз: «...ощущение *грандиозности*, чувство физической *бескрайности* Родины приходит еще до Урала <...> Поезд *очень долго* вырывался из хвойных объятий <...> Березовые колки тянулись *долго и настойчиво*, пока не *показались* вдали призрачно-серебристые горы <...> эти грандиозные расстояния *похитили* у меня *пять часов* жизни» [3, с. 464] (курсив мой. – О.М.). Но возникает и настороженность: «...в душе почему-то тревожно от того, что пустуют еще эти безбрежные и богатые земли» [3, с. 465]. Эта нота прозвучит потом в очерке «Мой друг Валентин Распутин» (1997) и в романе «Час шестый» (1997–1998), где пространственный аспект уступит место более важному. Речь пойдет о значении Святой Руси для нее самой и для всего мира: «Земля была так велика, так необъятна <...> Ни уму человеческому, ни сердцу не под силу было охватить ту необъятность. Это было под силу одному Господнему Оку <...> С чем соизмеришь ее, с чем сравнишь? В небе посреди звездного вороха всего лишь крохотная песчинка, малая капля. Но для брэнного своего жильца она грозна и страшна своей необъятностью. Одна Святая Русь и могла быть соразмерна всей земле, да и то не океану, а суше. Но и сама Русь была необъятна. Дневному лучу не хватало дня, чтобы в мгновенье обшарить ее всю от конца до конца. И луч этот бежит по Руси долго-долго, а когда пройдет до конца, на другом-то конце Руси опять ночная пора...» [5, с. 580]. Эти слова не случайны для писателя, умеющего *чувствовать* свою Родину *сразу всю*, способного постичь и художественно воплотить вневременную ценность русского сознания и характера. «Раздумья о родине» – это не только одно из произведений Белова, это все его творчество.

В рассказе «За дальним меридианом» мир родной природы предстает удивительно целостным, потому так естественно в заключительной части рассказа, среди морских описаний, вновь упоминаются и вологодская ночь,

и медведь. Это приходит на память именно здесь, после далекого пути, в необычной обстановке, среди другой природы и даже не на земле, а над бездной океана, когда мысль о родном доме особенно сильно дала ощутить притовостояние и единство двух стихий.

Через много лет после поездки на Дальний Восток Белов скажет слова, объясняющие документальность многих его произведений: «Разве это фантазия – наша Россия?.. Она же есть – грешная и великая... Россия существует в реальности, а в ней множество всяких краев» [2, с. 462].

Сегодняшнее прочтение давно написанного документального рассказа «За дальним меридианом» возможно лишь в контексте всего творчества Василия Белова, которое есть честное служение своей Родине.

Литература

1. Баранов. С.Ю. Василий Иванович Белов: на путях творчества / С.Ю. Баранов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 1.
2. Белов, В.И. Без вести пропавшие (Документальный рассказ) / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.
3. Белов, В.И. За дальним меридианом / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 1.
4. Белов, В.И. Письма / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 7.
5. Белов, В.И. Час шестый / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 4.
6. Тихомиров, С.А. Примечания / С.А. Тихомиров // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 7.

А.М. Неволлина, О.Ю. Неволлина
ВоГУ, г. Вологда

ЭХО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО И И.А. БУНИНА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «НЕВОЗВРАТНЫЕ ГОДЫ»

Рассматривая повесть В.И. Белова «Невозвратные годы» (1999–2000) в контексте русской автобиографической прозы XIX века и феноменологической прозы XX века, весьма частые и выразительные переклички мы находим с трилогией Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и романом И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Речь идет о существующих архетипических основах, сквозных философско-эмоциональных лейтмотивах, универсальных категориях, определенных и обязательных звеньях, без которых сам жанр художественной автобиографии (по определению В.Ф. Ходасевича, «вымышленной автобиографии») не существует.